

Статья Ярослава Смелякова “Я обвиняю” была написана в 1970 году по следу публикаций в “Огоньке” статей “Любовь поэта” и “Трагедия поэта”, авторы которых — В. Воронцов и А. Колосков — сделали достаточно робкую попытку разобраться в той роли, которую Лили Уриевна Брик играла в жизни В. В. Маяковского. Публикация эта вызвала грандиозный скандал. Тут же последовали письма в ЦК КПСС и лично Л. И. Брежневу, написанные официальным литературным чиновником Константином Симоновым и неофициальным лидером “левого крыла” литературы Борисом Слуцким — людьми, в своё время принятыми и обласканными Лилей Брик. Письма эти были написаны в лучших традициях жанра доноса и, даром что не были опубликованы, всё же возымели действие: все “антибриковские” публикации прекратились.

В подобных условиях статья Смелякова была обречена исключительно на “рукописное” существование. Списки её ходили по рукам, но в печать она не могла “пробиться” до сегодняшнего дня. Как можно видеть из контекста, она представляла собой часть более объёмной рукописи, текст которой нам не известен.

Естественно, статья эта не имела никаких шансов появиться и в заграничной печати. Слишком явная акцентуация “еврейского вопроса” делала её неудобоваримой ни для одного издателя. Смеляков щедро использовал в ней термин “сионизм” — неточный и обуживающий тему, — очевидно, по следам только-только вышедшей тогда и получившей широкую известность книги Юрия Иванова “Осторожно, сионизм!”.

Что касается её заголовка — “Я обвиняю”, — то здесь, думается, Смеляков демонстративно использовал заголовок пародии на его стихи, сочинённой Лазарем Лазаревым и Станиславом Рассадным.

Маяковский оставался кумиром Смелякова на протяжении всей его творческой жизни. Он не мог позволить ни единого пятнышка, которое могло бы “лечь” на имя дорогого ему поэта. Его взгляд на Маяковского может ныне показаться немного устарелым, но это — страница нашей отечественной литературы, нашего русского “самиздата”.

Мы публикуем статью “Я обвиняю” в год столетия Ярослава Смелякова и 120-летия его старшего современника — Владимира Маяковского — вместе с интересным и небесспорным исследованием Андрея Воронцова, в существенных моментах то смыкающегося, то расходящегося с печатающимся впервые текстом замечательного русского советского поэта.

ЯРОСЛАВ СМЕЛЯКОВ

Я ОБВИНЯЮ

Заканчивая мои записи, я должен вернуться к тем далёким дням, когда миру стало известно о неожиданной, ошеломившей всех смерти Маяковского.

В течение сорока лет, прошедших с того времени, я не переставал думать: что же произошло 14 апреля 1930 года? Не переставал искать разгадки трагического события.

В статье “Трагедия поэта”, опубликованной в 1968 году в журнале “Огонёк”, были показаны некоторые обстоятельства смерти Маяковского. В конце статьи, возражая В. Перцову, требовавшему соблюдения такта при объяснении обстоятельств смерти поэта, я привёл слова Маяковского, который по поводу “Бани” 23 сентября 1928 года заявил:

“Что касается прямого указания, кто преступник, а кто нет, — у меня такой агитационный уклон, я не люблю, чтобы этого не понимали. Я люблю сказать до конца, кто сволочь”.

Далее в моей статье было сказано:

“Мы стоим на тех же позициях и считаем, что в раскрытии обстоятельств трагической смерти великого поэта не следует руководствоваться мотивами соблюдения такта. К сожалению, сейчас мы ещё не сможем сказать, кто преступник, кто сволочь. Мы знаем, что это были враги Маяковского, враги коммунизма. Мы пока ещё не можем назвать, кто именно подготовил выстрел, приведший к гибели великого поэта. Но уверены, что время это придёт”.

Теперь, я полагаю, время это пришло: мы можем и должны сказать, кто преступник, кто сволочь; можем назвать тех, кто подготовил выстрел, приведший к гибели великого русского поэта.

В течение многих лет исследуя, сопоставляя факты, имеющие отношение к смерти Маяковского, я пришёл к выводу, что она подготовлялась врагами поэта издавна, планомерно и неотступно.

Кто были эти враги и как они подготавливали гибель поэта? Чтобы ответить на этот вопрос, мне придётся напомнить некоторые обстоятельства жизни Маяковского, о которых говорилось в статьях “Любовь поэта” и “Трагедия поэта” (журнал “Огонёк”, 1968, №№ 16, 23 и 28), дополнив их новыми фактами и ображениями.

Как и в названных статьях, я буду рассматривать эти обстоятельства в двух планах: в плане общественной, литературной деятельности поэта и в плане его личной жизни. Начну с обстоятельств первого порядка.

В официальном сообщении, в своё время опубликованном в печати и основывавшемся на “предварительных данных следствия”, было сказано, что Маяковский “покончил жизнь самоубийством” и что “самоубийство вызвано причинами личного порядка, не имеющими ничего общего с общественной и литературной деятельностью поэта”. Однако более углублённое изучение фактов убедило меня в том, что это заключение не совсем точно и что при рассматривании обстоятельств смерти Маяковского неверно исключать факты, связанные с его общественной и литературной деятельностью. Разумеется, это следует делать не в том плане, как делают враги социализма, тщетно пытаясь доказать, будто Маяковский находился или под конец жизни пришёл в противоречие с советской действительностью. Такого противоречия не было и не могло быть. Но было другого рода противоречие, о котором враги социализма умалчивают, — это противоречие между тем, что делал Маяковский, и тем, как расценивали эту его деятельность многочисленные критики и их единомышленники в редакциях газет, журналов и издательств. Умолчание это не случайно, и причина его заключается в том, что клевета, которую распространяют враги социализма о Маяковском сейчас за рубежом нашей страны, и та клевета, которой изобиловали многие и многие писания критиков при жизни поэта, имеют одни и те же корни, проистекают из одного и того же источника — из их ненависти к социалистическому строю, из желания во что бы то ни стало очернить социализм и его поэта Владимира Маяковского.

В самом деле, легко понять и объяснить ту злобу, какой встретила и сопроводила литературные выступления Маяковского в дооктябрьские годы буржуазная печать: “капиталистический нос”, как отмечал сам поэт, чуял в нём “динамитчика”. Поэтому царская цензура кромсала его произведения, вычёркивала целые страницы, а буржуазная печать улюлюкала, глумилась над молодым революционным поэтом.

После Октябрьской революции, с первых дней её Маяковский идёт в передовых рядах борцов за социализм, он отдаёт советской власти и коммунистической партии весь свой многогранный талант. В одном из выступлений последних лет жизни поэт с гордостью отмечал, что советская цензура не вычеркнула у него ни одной строчки, — всё, что он написал, было нужно, полезно советскому строю, строительству социализма.

А между тем литературная критика упорно не хотела признавать в нём то, что любил и ценил в поэте наш народ, советская власть, коммунистическая партия, — его революционный, большевистский дух, пламенный патриотизм, высокое вдохновение и пафос в изображении победоносной борьбы советских людей за социализм. Литературная критика продолжала глумиться над Маяковским, чернила всё, что он делал, последовательно охаивала все его лучшие произведения. Вот как это делалось.

В 1918 году, к первой годовщине советской власти Маяковский написал и поставил в Петрограде пьесу “Мистерия-Буфф”, в которой вдохновенно славил великий революционный подвиг нашего народа, свергнувшего эксплуататоров и начавшего строительство нового социалистического общества. Народный комиссар просвещения А. В. Луначарский писал в те дни, что пьеса производит на рабочих сильное впечатление, что “она изочаровывает”. А сейчас же после первого представления “Мистерия-Буфф” в подведомственной наркомату просвещения газете “Жизнь искусства” появилась статья некоего **А. Левинсона**, который всячески поносил пьесу Маяковского, а его самого обвинял в приспособленчестве, в “желании угодить новым хозяевам”.

В последующие годы, полностью подчинив свою работу насущным задачам борьбы за укрепление советской власти и строительства социализма, Маяковский создаёт ряд замечательных произведений революционной, социалистической поэзии — политического, агитационного, эпического, лирического и сатирического рода. Один из авторитетнейших знатоков русской поэзии поэт-коммунист **Валерий Брюсов** писал в 1922 году, что “стихи Маяковского принадлежат к числу прекраснейших явлений пятилетия”. Сатирическое стихотворение Маяковского “Прозаседавшиеся” было замечено В. И. Лениным и получило его высокую оценку.

А в то время укrywшийся в эмиграции **Илья Эренбург** как только не издавался над Маяковским: расхваливая милых его сердцу Осипа Мандельштама и Бориса Пастернака, он утверждал, что в стихах Маяковского “слышатся одни, конечно, перворазрядные барабаны”. **Корней Чуковский**, в дни первой мировой войны угоднически прислуживавший союзу англо-русской империалистической буржуазии, в 1921 году с чудовищной наглостью упрекал Маяковского, будто “чувства Родины у него никакого”, будто “его пафос — не из сердца”, “его пламенность — деланная”, и всё, написанное Маяковским, “отзывается выдумкой, натугой, сочинительством”.

Отзыв В. И. Ленина о стихотворении Маяковского “Прозаседавшиеся” (март 1922 года) вдохновил поэта, укрепил его позиции, открыл ему более широкий доступ в печать. Это всполюшило врагов социалистической революции и ненавистников русской литературы. Тесно объединившись, они усиливают борьбу против поэта. Возглавил эту борьбу самый коварный и злобный враг социализма — **Л. Троцкий**. В статьях на литературные темы, доказывая бесперспективность развития пролетарской революции, Троцкий крест на крест перечёркивал всё, написанное Маяковским в годы революции, и клеветнически утверждал, будто Маяковский “влился в пролетарскую революцию, но не слился с ней”, будто всё, написанное им после Октября, “внутренне противоречиво” и т. д., и т. п.

Один из оруженосцев Троцкого — **Л. Сосновский** — начал ожесточённую кампанию под лозунгом “Довольно Маяковщины”. В эту кампанию включилась дюжина других критиков и фельетонистов. Они обвиняли поэта в приспособленчестве, утверждали, будто существуют “нелады между Маяковским и революцией” (В. Полонский), будто он “воспринял революцию больше умом, чем чувством” (А. Воронский), и будто он работает “под внешним давлением” (Д. Горбов), а его произведения представляют собой “чисто логические построения, облечённые в более или менее удачную звуковую и ритмическую оболочку” (Г. Лелевич). В. Шершеневич провозглашал, что “единственными строками Маяковского, имеющими к революции отношение”, являются “строки о революции до революции” — в поэме “Облако в штанах”. А друг Шершеневича **И. Грузинов** объявил написанное Маяковским в революционные годы “малограмотной халтурой”. Как бы обобщая все эти наветы и инсинуации, профессор литературы **П. Коган** в книге “Литература этих лет”, вышедшей в 1924—1925 годах тремя изданиями, писал: “Он чужд революции нашей... Маяковский слишком от прошлого слишком индивидуален в старом буржуазном смысле этого слова...” **А. Лежнев** упрекал Маяковского, будто он “уже

несколько лет как повторяет себя” и называл его “холодным ритором и резонёром”.

В 1924 году, когда Маяковский написал пламенную поэму о Ленине, посвятив её Российской Коммунистической партии, коммунисты, комсомольцы, рабочая и учащаяся молодёжь приняли её с восторгом и благодарностью. А критик **В. Перцов** раздражённо писал, что эта поэма — “в высшей степени странная и, так сказать, разномастная вещь”, он находил в ней “труднопереносимые даже для комсомольца длинноты, корябые наивности и прямые формальные неудачи жизнеописания Ленина и рабочего класса тоже”. Другой критик — **М. Беккер** — объявил, что поэма Маяковского о Ленине всего-навсего “рифмованный доклад на политическую тему”.

Так же враждебно встретили критики другое талантливейшее произведение Маяковского — его поэму “Хорошо”, написанную к десятилетию Великого Октября. Тот же **Абрам Лежнев** поспешил заявить, что в поэме всего “несколько десятков хороших стихов”, а в целом она знаменует собой “полный провал”. А критик **Ю. Юзовский** назвал её “картонной поэмой”, отказавшись признать в ней какие-либо идейные или художественные достоинства.

Десять лет Маяковский с энтузиазмом, не жалея сил, работал на пользу русской литературы и советского строя, в его произведениях революционные события этого десятилетия получили самое яркое выражение. А П. Коган в книге “Литература великого десятилетия”, вышедшей в 1927 году, продолжал твердить, что “Маяковский не стал глашатаем эпохи”, “не стал поэтом революции в полной мере...”

А. Воронский в юбилейном сборнике “Октябрь в искусстве и литературе” писал: “Социализм Маяковского — не наш марксистский социализм, это скорее социализм литературной богемы...” В том же 1927 году появилась гнусная книжонка **Г. Шенгели** “Маяковский во весь рост”, от первой до последней строчки пропитанная злобой, издёвкой, клеветой.

В последующие годы число хулителей Маяковского не только не уменьшилось, но продолжало расти. Стало модным говорить (вернее, повторять вслед за Троцким) о “кризисе” Маяковского. “В последние годы Маяковский как будто остановился. Его произведения последнего времени (поэма “Ленин” и др.), по общему признанию критики, не представляют шага вперёд ни в области формы, ни в области углубления содержания”, — возвещал всё тот же **П. Коган**. **И. Розанов** в книге “Русские лирики”, восхищаясь стихами Бориса Пастернака, Ильи Сельвинского, Семёна Кирсанова зло острил: “Маяковскому оказалось не по дороге с революцией”, “сейчас Маяковский — светило, склоняющееся на запад”. **Корнелий Зелинский** напечатал в 1928 году в рапповском журнале “На литературном посту” статью “Идти ли нам с Маяковским?”, где писал: “Безвкусным, опустошённым и утомительным выходит мир из-под пера Маяковского”. Критик и дальше подчёркнуто утверждал, что “к новому понимаю революции можно придти, уже перешагнув через Маяковского”. Критик **Давид Тальников** в журнале “Красная новь” поносил стихи Маяковского об Америке, называл их “рифмованной лапшой”, “кумачовой халтурой” и злопыхательски восклицал, что “перо Маяковского совсем не штык”, а “просто швабра какая-то”. В том же духе о Маяковском писали **Насимович-Чужак, И. Гроссман-Роцин, А. Горнфельд, М. Ольшевец, И. Машбиц-Вербов, Л. Авербах, А. Сельвановский** и др.

Теперь всё, что появлялось в печати за подписью Маяковского, непременно подвергалось разностной критике. В 1929 году Маяковский издал сборник стихов “Слоны в комсомоле”. В нём наряду с другими были помещены глубоко патриотический и высокопоэтический “Рассказ литейщика Ивана Козырева о вселении в новую квартиру”, одно из лучших сатирических произведений “Служака”, очень сильное лирико-публицистическое стихотворение “Маруся отравилась”, прекрасный мобилизующий “Марш-оборона”. Несмотря на это критик **Б. Бухштаб** в журнале “Звезда” писал, что в книге “несколько остроумных строчек”, что общественная ценность стихов Маяковского “очень сомнительна” и “более чем сомнительно их художественное достоинство”.

Как стая воронов, налетели критики на пьесу Маяковского “Баня”, написанную в 1929 году и поставленную в начале следующего года в Ленинграде и Москве. **Сим Дрейден** уверял читателей, что пьеса сделана халтурно, наспех. **М. Янковский** острил, будто “пьеса Маяковского предстала в красе своих сомнительных достоинств”. **В. Ермилов** опубликовал три ругательских

рецензии на “Баню”, настойчиво доказывая, что “здесь, несомненно, звучит у Маяковского фальшивая “левая нота”. Фельетонист, скрывшийся под псевдонимом **Ан. Чаров**, незадолго до смерти Маяковского напечатал в “Комсомольской правде” рецензию на “Баню”, где писал, что “пьеса действительно вышла плохая” и её “ставить не стоило”.

Маяковского травили не только открыто, но и скрыто. Его долго не пускали на страницы “Известий” и “Правды”, его книги отказывались издавать, задерживали их в печати и на складах. В марте 1925 года нарком просвещения А. В. Луначарский писал заведующему Госиздатом: “Выходят какие-то странные недоразумения с полным собранием сочинений Маяковского. Все соглашались, что это очень крупный поэт, в его полном согласии с советской властью и коммунистической партией ни у кого, конечно, нет сомнений. Между тем, его книги ГИЗом почти не издаются. Я знаю, что на верхах партии к нему прекрасное отношение. Откуда такой затор?”

Чем же объяснить эти более чем “странные недоразумения”, что крупного, талантливейшего поэта советской эпохи, которого ценили и в “верхах”, и в “низах” нашей партии, не хотело печатать Государственное издательство, а литературная критика непрестанно — из года в год, изо дня в день — всячески поносила, отказываясь видеть в нём поэта революции и поэта вообще? Можно ли это признать действительным недоразумением? Нет, причины этого гораздо глубже и серьезнее.

История русской литературы знает немало примеров, когда критика — её определённая часть — отказывала в понимании и признании самым талантливым русским писателям. Ещё А. С. Пушкин — самый русский и самый талантливый из русских писателей прошлого века — в стихотворении “Дельвигу” сетовал:

*Бывало, что ни напишу,
Всё для иных не Русью пахнет.*

О том, что определённая часть критиков не понимает и не признаёт многих русских писателей, говорил в своё время и А. П. Чехов. В дневниках 1987 года он откровенно писал:

“Такие писатели, как Лесков и С. В. Максимов, не могут иметь у нашей критики успеха, так как наши критики почти все евреи, не знающие, чуждые русской коренной жизни, её духа, её форм, её юмора, совершенно непонятного для них, и видящие в русском человеке ни больше, ни меньше, как случайного инородца. У Петербургской публики, в большинстве руководимой этими критиками, никогда не имел успеха Островский, и Гоголь уже не смежит её” (А. П. Чехов. Полное собрание сочинений. 1933. Т. 12. С. 11).

Я понимаю, что уже за одну эту цитату меня обвинят в антисемитизме. Нас, русских людей, издавна запугивают этим словом. Между тем, если повнимательнее понаблюдать нашу жизнь, особенно в части искусства и литературы, нетрудно убедиться, что не антисемитизм, а антирусизм или, как прежде говорили, русофобство получило необыкновенное развитие и приносит ощутимый вред социалистической культуре. Трагическая судьба Маяковского — одно из подтверждений тому.

Скажу прямо: то, что писал о критиках Чехов, в полной мере относится к критикам Маяковского, так как они в своём подавляющем большинстве были именно евреями. Отдельные русские имена в данном случае не меняют общей картины, тем более что они на поверку нередко оказываются всего лишь псевдонимами. Недаром Маяковский, когда заходила речь о его хулителях, говорил: “Все они Коганы”.

То, что писал Чехов о критиках Лескова и петербургских истолкователях Гоголя и Островского, полностью, а может быть, ещё в большей мере, относится к критикам Маяковского. Они действительно оказались неспособными понять Маяковского как русского поэта, поэтому-то Эренбург слышал в его стихах одни “перворазрядные барабаны”, и поэтому-то ни “Клоп”, ни “Баня” никого из этих критиков не смешили.

Но если в прошлом веке “иные”, как говорил Пушкин, не хотели признать в написанном именно русское, — то, что “Русью пахнет”, — то в Маяковском его критики, как мы видели, отрицали самое его поэтическое начало и особенно настойчиво, рьяно отрицали то, что составляло наиважнейшую суть Ма-

яковского как поэта нового времени — его коммунистическую революционность. А это, разумеется, шло уже не от непонимания. Трудно допустить, что такой прожжённый политик, как Л. Троцкий, не понимал истинного революционного, большевистского содержания поэзии Маяковского. Трудно допустить, что этого не понимали И. Эренбург, Л. Сосновский, П. Коган, В. Полонский, Л. Авербах и другие хулители Маяковского, большинство из которых тоже были не только опытными литераторами, но и опытными политиками.

Не случайно об одном из них — В. Полонском, редактировавшем сразу три журнала: “Новый мир”, “Красная нива”, “Печать и революция”, — Маяковский с явным политическим намёком заметил, что он “редактирует” и “Мир”, и “Ниву”, и “Печать”, и революцию”. На самом деле критики Маяковского не принимали революционного содержания его поэзии и потому отрицали её.

Ожесточённая борьба, которую на протяжении многих лет вели критики против Маяковского, была составной частью классовой борьбы — борьбы против социалистической революции, против советской власти и коммунистической партии. Не случайно один из злейших врагов Маяковского — Л. Троцкий — оказался и злейшим врагом ленинизма. Не случайно многие из названных мною критиков Маяковского были так или иначе причастны к троцкизму. Не случаен, скажем, и такой факт, что критик Перцов, высмеивавший поэму Маяковского о Ленине, в своё время в гаденькой антисоветской брошюре “Эпоха замыслов” (1922) высмеивал самого Ленина, называя его великий план электрификации советской страны “идеей фикс”. Нет, всё это не случайно. Маяковский — поэт-революционер, поэт-коммунист — был ненавиден всем, кто ненавидел социалистическую революцию, советскую власть, коммунистическую партию, и потому они так яростно вели против него борьбу.

Могут сказать, что не только Маяковский подвергался преследованию критиков, это верно. Травили они и Максима Горького, и Сергея Есенина, и Алексея Толстого, и Н. Сергеева-Ценского, и Дмитрия Фурманова, и Александра Серафимовича, и Алексея Чапыгина, и Михаила Пришвина, и Михаила Шолохова, и других самых талантливых и самых дорогих русскому народу и Советской стране писателей.

Причём — случайно ли это? — в большинстве случаев в этой травле участвовали те же критики, которые травили Маяковского, и в большинстве своём — всё те же коганы.

То, что Маяковский подвергался особенно жестокой, особенно упорной травле, объясняется тем, что в нём наиболее ярко сочеталось русское поэтическое начало с проявлением русского революционного размаха. Именно потому антирусские, космополитические и сионистские элементы, объединившись с откровенно контрреволюционными элементами троцкизма, так настойчиво и жестоко преследовали поэта.

Нет, борьба против Маяковского не была, как полагал Луначарский, каким-то “недоразумением”, “заторы”, которые в таком множестве устраивали на пути поэта издатели, люди, сидевшие в редакциях газет и журналов, и литературные критики, не были случайными. Это была открытая и скрытая борьба против великого русского поэта-коммуниста, и велась она с антиреволюционных, антирусских, космополитических и сионистских позиций. И Троцкий, и более мелкие “выродки типа Лелевича”, как сказал об одном из них И. В. Сталин (Т. 13. С. 27), сознательно ставили перед собой цель: опорочить Маяковского, подорвать доверие к нему революционного народа и коммунистической партии, подорвать творческие силы поэта, выбить его из рядов активных борцов за социализм.

В последние годы жизни Маяковский понял это. Если раньше он называл своих хулителей “безответственными губошлёпами” и недоумевал, “почему так безудержно пишут Коганы”, то позже называл их не иначе, как “критиканы из-за угла”.

Некоторые из этих “критиков”, доживших до нынешних дней, в том числе В. Перцов, пытаются оправдаться тем, что-де было сложное время, существовала борьба мнений, что-де Маяковский тоже умел драться и т. д., и т. п.

Да, Маяковский действительно умел драться, он отважно отбивал враждебные наскоки “критиков из-за угла”. Но если им не удалось разобить его с народом, не удалось подорвать доверие к нему советской власти и коммунистической партии, им всё же удалось неимоверно затруднить и осложнить творческую работу поэта и в значительной мере подорвать его силы. И даже

если то, что произошло 14 апреля 1930 года, было действительно самоубийством, — то и тогда они — вся эта банда наглых рвачей и выжиг, неотступно травивших великого русского поэта, — виноваты в его смерти.

* * *

Теперь обратимся к обстоятельствам другого рода.

В сообщении о самоубийстве Маяковского вслед за указанием, что оно было вызвано “причинами чисто личного порядка”, следовало как бы пояснение: “Самоубийству предшествовала длительная болезнь, после которой поэт не совсем поправился”. Тогда же в печати появился некролог, подписанный Я. Аграновичем, Н. Асеевым, В. Каменским, В. Катаняном, С. Кирсановым, В. Перцовым и другими, где мимоходом было сказано: “Стремительная болезнь, нелепый срыв привели его к концу...” Упоминание о болезни, которая в одном случае была названа “длительной”, а в другом случае — “стремительной”, дало богатую пищу для всевозможных домыслов и сплетен. Только позже стало известно, что у Маяковского было нервное переутомление, а в последние недели он болел гриппом.

Более определённое объяснение неожиданной смерти поэта должно было дать опубликованное тогда же “Предсмертное письмо Маяковского”, в котором были приведены строки:

*Как говорят, —
инцидент исперчен.
Любовная лодка
разбилась о быт.
Я с жизнью в расчёте,
и не к чему перечень
взаимных болей
бед и обид.*

Но что скрывается за этими строками, с кем связан “инцидент”, приведший к крушению “любовной лодки”, оставалось неизвестным. Спустя пять лет, в десятом томе полного собрания сочинений Маяковского, выходящего под редакцией Л. Брик, было опубликовано несколько набросков, сделанных Маяковским, как предполагается, в период работы над поэмой “Во весь голос”. В одном из этих набросков есть строки:

*Уже второй. Должно быть, ты легла.
В ночи млечпуть — серебряной Окою.
Я не спешу, и молниями телеграмм
мне незачем тебя будить и беспокоить.
Как говорят, инцидент исперчен.
Любовная лодка разбилась о быт.
С тобой мы в расчёте. И не к чему перечень
взаимных болей, бед и обид.*

Автор примечаний В. Катанян, очевидно, не без одобрения редактора, утверждал, будто эти строки “обращены” к Л. Брик. На самом деле они имели другой адрес. Несмотря на это и Л. Брик, и её друзья по сие время продолжают твердить, будто Маяковский до конца жизни терзался любовью к ней. Они изображают дело так, будто, кроме неё, у поэта не было другого солнца в небе. В 1968 году, когда в “Огоньке” появилась статья “Любовь поэта”, опровергающая подобные утверждения, сестра Л. Брик — Эльза Триоле — напечатала в парижской “Литерэр Франсэз” желчную статью, где писала, будто “Л. Брик посвящено всё творчество Маяковского”. “Это имя, — вещала Триоле, — Маяковский поставил на каждом томике, и ещё, и ещё раз в начале своего полного собрания сочинений, которое начало выходить при жизни поэта”. На самом деле поэт посвятил ей несколько лирических произведений раннего периода, а на поэме “Про это”, написанной в конце 1922 — начале 1923 года, поставил “Ей и мне”. Самое лучшее своё произведение — поэму

“Владимир Ильич Ленин” – Маяковский посвятил Российской коммунистической партии, а поэмы “150.000.000”, “Во весь голос” не имеют посвящения. Неверно утверждение Э. Триоле и относительно “каждого томика”, и относительно пожизненного собрания сочинений поэта. Маяковский выпустил много “томиков” (“255 страниц Маяковского”, Маяковская галерея”, “Песни рабочим”, “Париж”, “Моё открытие Америки”, “О Курске, о комсомоле, о мае...”, “Без доклада не входить” и др.), на которых нет никаких посвящений. На первом томе Полного собрания сочинений, начавшем выходить при жизни поэта и подготовленном им самим, были обозначены три буквы – Л. Ю. Б. Но кто об этом позаботился: автор или (что более вероятно) редактор сочинений О. Брик? Все прежние посвящения отдельных произведений Лиле Брик (“Облако в штанах”, “Флейта-позвоночник”, “Человек”, даже “Ей и мне” к поэме “Про это”) в собрании сочинений сняты.

После смерти Маяковского Л. Брик стала назойливо выдавать себя за “вдову” Маяковского, а её друзья и сестра Э. Триоле всячески старались закрепить за нею это звание. Но Маяковский никогда не был мужем Л. Брик. В анкетах при выезде за границу, начиная с 1923 и по 1929 год, он неизменно указывал: “холост”. Да и как Л. Брик могла стать вдовой Маяковского, если она не расставалась со своим мужем О. Бриком вплоть до его смерти в 1945 году, а потом стала супругой В. Катаняна?

Как было показано в статье “Любовь поэта”, Л. Брик не была ни первой, ни последней любовью Маяковского. Первой его любовью была Мария, описанная в поэме “Облако в штанах”, где обрисован и трагический исход этой любви. Не успел утихнуть первый, говоря словами поэмы, “пожар сердца”, как молодой поэт попадает в пламя новой любви. В июле 1915 года он знакомится с Л. и О. Бриками и позже в литературной автобиографии называет это знакомство “радостнейшей датой”. Раздумывая над этим определением, я всегда задавал себе вопрос: что это, жест необыкновенного рыцарства или, может быть, глубоко спрятанная ирония, шутка? Правда, автобиография в первом её варианте была опубликована в октябре 1922 года, следовательно, до написания поэмы “Про это”, когда Маяковский основательно разбирался в своих отношениях с Л. Брик. И всё-таки запись о знакомстве с Бриками воспринимается как некая гипербола. Ведь на самом деле любовь Маяковского к Л. Брик, как можно видеть из стихотворения-письма “Лилечке”, из поэмы “Флейта-позвоночник” и “Про это”, была отнюдь не радостной. Прочтите начало первой главы поэмы “Флейта-позвоночник”:

*Вёрсты улиц взмахами шагов мну.
Куда уйду я, этот ад тая?
Какому небесному Гофману
выдумалась ты, проклятая?*

И дальше, в конце той же главы, обращение поэта к всевышнему:

*Делай, что хочешь.
Хочешь, четвертуй.
Я сам тебе, праведный, руки вымою.
Только —
слышишь? —
убери проклятую, ту,
которую сделал моей любимой.*

Разве мог писать так поэт, испытывающий радость любви? Вообще странной до ужаса была эта любовь поэта и все его взаимоотношения с обоими Бриками. Во-первых, когда Маяковский познакомился с ними, они уже были женой и мужем. Во-вторых, он, Маяковский, воспитан в прекрасной русской трудовой, демократической семье, прошёл великолепную школу революционного большевистского подполья. Они, Л. и О. Брики, — оба выходцы из богатых еврейских семей, решительно чуждые тем идеалам и стремлениям, какими жил Маяковский. Как могло произойти его сближение с Бриками? Много раз спрашивал я об этом родных Маяковского, его мать, сестёр и всегда получал один и тот же ответ:

— Он был молод, неопытен, честен. Только что пережил несчастную любовь к Марии Денисовой. А тут появилась Лиля Брик. Она была старше летами и опытнее в жизни. Приласкала его, а он за ласку готов был отдать всё. И, действительно, отдал. А они, Брики, так крепко взяли его в свои руки, что потом, как ни пытался он вырваться, это ему не удавалось.

Известно, что трагическая любовь Маяковского к Л. Брик закончилась поэмой “Про это”, написанной в конце 1922-го — начале 1923 года. Уже в 1924 году в стихотворении “Юбилейное” поэт признавался, что “любви пришёл каюк”, а в стихотворении “Тамара и демон”, опубликованном в следующем году, с грустью констатировал: “Любви я заждался, мне тридцать лет”.

Вполне естественно, что у Маяковского могли появиться новые увлечения. И они, конечно, появились. Е. А. Лавинская, близко знавшая как Маяковского, так и Бриков, рассказывает: в 1927 году стало известно, что Маяковский собирается жениться на одной девушке и что это очень беспокоит Л. Брик:

“...Лилия ходила расстроенная, злая... Она говорила, что он, Маяковский, по существу, ей не нужен, он всегда невероятно скучен, исключая время, когда читает стихи.

— Но я не могу допустить, чтобы Володя ушёл в какой-то другой дом, да ему самому это не нужно...”

Дальше в воспоминаниях Е. А. Лавинской сказано: “Безусловно, уход Маяковского был неприемлем не только для Лили Юрьевны, но, в такой же мере, для Осипа Максимовича. Из дома ушла бы слава и всё то, что за ней следует”.

Вот в чём дело. Именно в этом — в корыстных интересах Бриков — заключалась их необыкновенная “привязанность” к Маяковскому. Эта хитрая семейка попросту взяла его в плен и не выпускала из своих рук, так как он был нужен им и для славы (кто бы знал о Бриках, не будь Маяковского?), и для того, что “за ней следует”, то есть, для денег и лёгкой, нетрудовой жизни. Ибо, как заявил Михаил Кольцов: “Брики всю жизнь паразитировали на Маяковском”. Вот почему, по мере того как росла слава Маяковского и возрастали его гонорары, усиливалась и “привязанность” к нему Бриков. Вместе с тем, усиливались опасения, что Маяковский может уйти от них, и они решают навечно привязать его к себе.

В 1926 году Брики, пользуясь добротой Маяковского и его мягким характером, предприняли хитрый и жестокий шаг: они поселились в квартире, полученной и устроенной Маяковским в Гендриковом переулке. Позже Л. Брик сочинила легенду, будто они — Маяковский и Брики — прожили жизнь “и духовно, и, большей частью, территориально, вместе”. На самом деле только с 1926 года у них была общая квартира, причём Маяковский сохранил комнату в Лубянском проезде и большую часть времени проводил там. Квартира в Гендриковом переулке приковала Маяковского к Брикам, он содержал и квартиру, и обоих Бриков. Но они, Брики, заботились не только о настоящем, но и о будущем. Хитроумный О. Брик прибил на двери квартиры дощечку, на которой было написано: Брик, Маяковский. После смерти поэта Брики при поддержке друзей устроили в Гендриковом переулке музей, который хотя и носил имя Маяковского, но больше всего пропагандировал их, Бриков. Сатрапы Бриков, обосновавшиеся в музее Маяковского, тщательно собирали и публиковали то, что возвеличивало Бриков (см. сб. “Маяковский в воспоминаниях современников”, подготовленный Н. Реформатской и изданный в 1963 году), и также старательно поддерживали то, что принижало великого поэта, искажало его облик (см. сб. “Новое о Маяковском”, осуждённый постановлением ЦК КПСС от 31 марта 1959 года). Бриковцы из музея Маяковского в течение двадцати лет тщательно прятали от советской общественности потрясающие своей правдивостью воспоминания Е. А. Лавинской, а когда мы решили опубликовать их, пытались воспрепятствовать этому. Их единомышленник А. Дымшиц тиснул в “Литературной газете” статью: “Бережнее: Маяковский”, где старался скомпрометировать Лавинскую, объявил её чуть ли не умалишённой. Но есть и другие свидетели, которые подтверждают правильность ужасающей картины, нарисованной Е. А. Лавинской. Одному из этих свидетелей* в своё время дове-

* К сожалению, пока я не могу назвать имени этого лица. Как это ни странно, некоторые свидетели трагической жизни Маяковского до сих пор отказываются давать открытые показания, боясь неприятностей от Л. Брик. В связи с этим мне вспоминается, как однажды сестра поэта О. В. Маяковская предупредила меня и Людмилу Владимировну: “Вы не забывайте, Брики — страшные люди, они способны на всё”.

лось разбирать архив Маяковского, в том числе его переписку, которая потом была уничтожена Л. Брик. Вот что рассказывает этот свидетель в записке, переданной Л. В. Маяковской: “Одновременно с поэмой “Про это” Маяковский писал письмо-дневник, обращённое к Л. Ю. Как известно, во время написания поэмы В. В. и Л. Ю. не встречались...”

Из письма видно, как не щадили Маяковского, как терзали его по пустякам, как пренебрегали его любовью, его достоинством, как мало заботились о нём. Как смертельно был он одинок и как мало понимала женщина, сыгравшая такую страшную роль в его судьбе, так воспетая им, — какой гениальный человек жил рядом с ней.

Это письмо — обвинительный документ против Л. Ю. . .

В бумагах Маяковского была записка Л. Ю. Брик, в которой говорится, что, когда начался их роман, они обещали друг другу сказать, когда остынут, когда любовь пройдёт.

“Я больше не люблю тебя, — пишет Л. Ю., — да и ты, как мне кажется, стал ко мне равнодушен, так что особой боли это тебе не причинит”... Несмотря на то, что между ними не было уже близости, Л. Ю. не отпускала Маяковского и не давала ему устроить свою жизнь. В 1928 г <оду> Маяковский был в Крыму с Нат. Ал. Брюхоненко, в которую был очень влюблён. В архиве Маяковского было письмо Л. Ю., которое она писала ему с дачи в Пушкино, где жила с О. Бриком и Львом Кулешовым:

“Володя, я слыхала, что ты хочешь жениться. Не делай этого. Мы все трое (т. е. она, О. М. Брик и В. В. Маяковский) женаты друг на друге и больше жениться нам грех”. Последняя фраза так поразила меня, что я запомнила её дословно.

Она не дала Маяковскому устроить свою жизнь. Ей нужно было, чтобы его слава и его деньги были в её доме. Что была бы она без Маяковского? А он уже тяготился той жизнью, которую вёл в этом странном супружестве. Она была свободна и на глазах Маяковского делала всё, что хотела. Но для него такой свободы не было. Он был прямой человек, а Лиля — очень ловкая женщина, очень умная в своих житейских целях. Всё её благополучие держалось на славе и деньгах Маяковского. И она крепко держала его путём сложных интриг”.

Могут спросить: а что же Маяковский? Как мог он сосуществовать с этими чуждыми ему и весьма коварными людьми? Маяковский, как свидетельствуют родные и друзья, знавшие его с детства, был рыцарски благороден, добр и доверчив. Это была “руставеловская натура”, как однажды сказал о Маяковском друг его детства Х. Н. Ставроков. За малейшую услугу он старался заплатить стократ, за маленькое доброе дело — всей жизнью. А Брикам он был обязан. Ей — за ласки, на которые Л. Брик, по свидетельству её же друзей, была мастерица. Осипу Брику — за то, что он “пожертвовал” своей женой. Кроме того: в самом начале знакомства О. Брик, имевший от богатых родителей немалые средства, показал себя по отношению к молодому поэту меценатом и, как записано в автобиографии Маяковского, “радовал” тем, что покупал его стихи “по 50 копеек строку”. И хотя все, знавшие О. Брика, понимают, что он ничего не делал себе в убыток, Маяковский платил ему за это всю жизнь.

И всё же, как ни старались Брики удержать Маяковского в “своём доме”, это не удавалось им.

Сердце поэта жаждало любви. И вот она пришла — новая настоящая любовь. Осенью 1928 года, будучи в Париже, Маяковский встретился с русской красавицей Татьяной Яковлевой, переехавшей в Париж из России по вызову дяди — художника А. Е. Яковлева, который поселился во Франции ещё до Октябрьской революции. Маяковский полюбил Татьяну Яковлеву. Именно ей он слал “молнии телеграмм”, о которых говорится в приведённых впереди стихах. Он изливал в них свою страстную любовь и страшную тоску по любимой. Из писем и телеграмм Маяковского, приведённых в статье “Любовь поэта”, можно видеть, что он хотел забрать Татьяну в Советскую Россию, звал её уехать с ним на Алтай, так как понимал, что в Москве, вблизи Бриков, ему не будет жизни. В письме от 14 апреля 1929 года Маяковский писал ей: “Подумай и собирай мысли (а потом вещи) и примерься сердцем своим к моей надежде взять тебя на лапы и привезти к нам, к себе в Москву”. В письме от 12 июля того же года: “Не может быть такого случая, чтобы мы с тобой не оказались во все времена вместе”. Между этими письмами одна за другой летят в Париж к Т. Яковлевой телеграммы-молнии Маяковского: “Тоскую, стараюсь

увидеть скорее”, “очень затосковал”, “тоскую невероятно”, “тоскую по тебе совсем небывало” и ещё, ещё в том же роде.

12 июля 1929 года Маяковский писал Т. Яковлевой: “Дальше Октября (назначенного нами) мне совсем никак без тебя не представляется. С сентября начну себе приделывать крылышки для налёта на тебя”. 15 июля поэт отправился в лекционную поездку в Сочи и другие города Черноморского побережья, оттуда в Крым и только 22 августа вернулся в Москву. В сентябре он начал хлопотать о поездке в Париж, помня данное Т. Яковлевой обещание встретиться в октябре. Но встреча эта не состоялась: ему, впервые за много лет, отказались выдать визу для поездки за границу. Это был потрясающий удар для Маяковского, так как отказ в визе не только лишил его возможности встретиться с любимой женщиной, но и бросил на него тень относительно его благонадёжности, что было на руку врагам поэта. Не случайно именно в эти месяцы “критики из-за угла” особенно усиленно нападают на Маяковского, рвут и терзают его, как бешеные собаки. Маяковский, конечно, не мог сообщить всего Т. Яковлевой, и в письме от 5 октября он говорит: “Нельзя переписать и переписать всех грустностей, делающих меня молчаливее”.

История отношений Маяковского с Татьяной Яковлевой закончилась так же трагически, как и история его любви к Мари Денисовой: она вышла замуж за другого. Причём это решение было принято ею неожиданно. В письме к матери от 3 августа 1929 года, желая успокоить её, Т. Яковлева писала: “Замуж же вообще сейчас мне не хочется. Я слишком втянулась в свою свободу и самостоятельность”. Намекая, что есть и другие претенденты на её руку, она там же высказывала предпочтение Маяковскому: “. . . Всё другое ничто рядом с М.; я, конечно, скорее всего, его выбрала бы”. Собственно, она уже выбрала его, Маяковского. В. И. и В. Ф. Шушаевы, жившие в то время в Париже и близко знавшие Т. Яковлеву, рассказывают:

“Таня ожидала Маяковского. Но потом она как-то пришла к нам и с грустью сообщила, что он не получил разрешения на поездку в Париж.

Мы видели, что Таня очень переживала это, ей было очень тяжело. Спустя немного времени Таня вышла к нам и сказала, что выходит замуж за викарета дю Плесси. Мы были поражены: как, почему? Она что-то говорила, что не может поехать в Россию и т. п.”

Знала ли об отношениях Маяковского и Т. Яковлевой Л. Брик? Конечно, знала. Л. Никулин в воспоминаниях о Маяковском, описывая отъезд его из Парижа весной 1929 года, среди провожающих называет “красивую женщину” (это была Татьяна Яковлева), а также Эльзу Триоле и её мужа Луи Арагона. А из воспоминаний Шушаевых мы знаем, что Эльза Триоле относилась к Татьяне Яковлевой “очень недружелюбно”, “говорила о ней всякие нелепости”. Разумеется, она информировала обо всём свою сестру, и Л. Брик сделала всё возможное, чтобы не допустить встречи Маяковского с Т. Яковлевой. А как она могла добиться этого, будет сказано дальше.

Маяковский очень тяжело переживал разрыв с Татьяной Яковлевой. Поэт Василий Каменский — единственный, кто остался верным Маяковскому в эти тяжчайшие для него дни, — свидетельствует, что “он (Маяковский) долго не хотел верить в её замужество”, “нигде не находил себе места. Нервничал до крайности, метался. . .”

Говорят, что в это время Маяковский увлёкся другой женщиной — В. Полонской, тогда молодой актрисой Московского художественного театра. Но Василий Каменский категорически утверждает, что “Полонская особой роли не играла”. Это подтверждается и другими свидетельствами. Да и сама В. Полонская в воспоминаниях, написанных в 1938 году, говорит: “Я убеждена, что причина дурных настроений Владимира Владимировича и трагической его смерти вне наших взаимоотношений”.

Тяжёлые переживания Маяковского, вызванные любовной трагедией, усугублялись многими обстоятельствами. В. Каменский отмечает, что в последние месяцы жизни Маяковский “был одинок, как никогда”. И это действительно было так. Брики, стремясь держать Маяковского в “своём доме”, сумели изолировать его от русских писателей, от его грузинских друзей, от друзей революционной юности и даже, в определённой мере, от матери и сестёр, любивших его горячо, нежно. Как указано в инструктивной беседе Л. и О. Брик с работниками московского музея Маяковского в 1938 году, у них в доме “завсегдатаями были Левин, Гринкруг, Асеев, Кирсанов, Катанян, Кассиль”.

К этому ряду ещё можно причислить Р. Райт, Д. Штеренберга, В. Шкловского, В. Катаева, кинороботников Э. Шуб, Л. Кулешова. Таким образом, за исключением русского поэта Н. Асеева, получался весьма, как говорил Маяковский, “однообразный пейзаж”. Они составляли “ближайшее окружение” Маяковского, считались его “ближайшими друзьями”. Но что это были за друзья?

Истинная дружба, прежде всего, предполагает помощь и поддержку в работе, в борьбе. Маяковский всем помогал, поддерживал в трудную минуту, об этом они сами проговариваются в некоторых своих воспоминаниях. А они? Помог ли кто-нибудь из них Маяковскому? Нет, ни в чём и никогда. Голос Маяковского – его великолепную неповторимую декламацию – помог записать ленинградский педагог Я. А. Назаренко, который никогда не бывал в гостинной Бриков. Ни Брики, ни их друзья, причисляющие себя к друзьям Маяковского, – никто и никогда не позаботился застенографировать его интереснейшие литературные лекции и доклады. Маяковский написал девять киносценариев, с трудом поставил два в Ялтинской и Одесской киностудиях, бился, как рыба об лёд, стараясь осуществить постановку остальных, написанных талантливо, с богатейшей выдумкой. Но никто – ни В. Шкловский, считавшийся профессиональным сценаристом и умевший протолкнуть даже посредственные сценарии и получить деньги даже за вовсе негодную работу, ни, уже тогда крепко обосновавшиеся в кино, С. Эйзенштейн, Л. Кулешов, С. Юткевич, М. Ромм, Э. Шуб, – никто из них никогда не помогал Маяковскому.

Как были бы благодарны наш народ и всё человечество, если бы они записали на киноплёнку хоть один день из жизни Маяковского, показали, каким он был в жизни. Не, они и этого не сделали.

А как повели себя эти так называемые друзья поэта в последние месяцы его жизни, когда он, переутомлённый, больной, устраивал выставку-отчёт “20 лет работы”? Из воспоминаний Л. Брик мы узнаём, что в этой “затее” ему помогала какая-то Зина Свешникова и какие-то, оставшиеся неизвестными, “мальчики”. А друзья? Они не только игнорировали Маяковского, объявили ему бойкот, но и присоединились к той ожесточённой и всё нараставшей в своём ожесточении травле поэта, которую вели “критики из-за угла”. Трое бывших левовцев – В. Перцов, С. Третьяков, Н. Чужак – напечатали 2 декабря 1929 года в “Литературной газете” письмо, где глумились над Маяковским и похвалялись, что они ещё в “ЛЕФе” вели против него борьбу. Семён Кирсанов опубликовал 3 февраля 1930 года в “Комсомольской правде” пасквильное стихотворение “Цена руки”, всем духом своим направленное против Маяковского:

*Пемзой грызть,
бензином кисть облить,
Чтобы все
его рукопожатья
Со своей ладони
соскоблить, —*

так выразил С. Кирсанов отношение к Маяковскому бывших левовцев, отказавшихся подавать ему руку.

Может быть, Л. и О. Брики поддержали Маяковского в эти дни – тяжелейшие для него дни? Нет, и они остались безучастными к его заботам и страданиям. Добившись разрыва его отношений с Татьяной Яковлевой, Л. и О. Брики укатили в далёкий Лондон погостить у её мамы. Позже одной из причин смерти Маяковского выставлялось “отсутствие привычно близких людей”, то есть Бриков. Но это откровенная ложь. На самом деле и Брики, и их друзья, выдававшие себя за друзей Маяковского, объединились с его исконными врагами. Движимые, с одной стороны, корыстными побуждениями, с другой – непримиримой ненавистью космополитов и сионистов к великому русскому поэту, они намеренно преследовали его, стараясь причинить ему как можно больше страданий. И даже если то, что произошло 14 апреля 1930 года, было действительно самоубийством, то и тогда они – вся эта шайка “завсегдатаев” бриковского дома и, в первую очередь, сами Л. и О. Брики – виноваты в смерти Маяковского.

Но было ли то, что произошло 14 апреля 1930 года, действительно самоубийством?

Враги Маяковского, обрадованные его смертью, разумеется, не выказывали сомнения, что это было так. Причём враги за рубежом Советской страны объясняли смерть поэта тем, что он будто бы пришёл в противоречие с советской действительностью, в несогласие с политикой советской власти и коммунистической партии. Враги поэта внутри страны – те, которые так жестоко травили его при жизни, – старались подвести под эту смерть “теоретический базис”. Они, как, например, Л. Авербах в поспешно опубликованной брошюре “Памяти Маяковского”, пытались доказать, что виной тому – “бешеная надорванность неврастенического интеллигента Маяковского”, что “он сам оказался жертвой цепной силы старого мира”. Как это не покажется странным, но много лет спустя в таком же духе о смерти Маяковского высказывалась Л. Брик. В статье “Предложение исследователям”, напечатанной в 1966 году в журнале “Вопросы литературы”, подбором цитат она старалась доказать “сходство ощущений” Маяковского и героев Достоевского – Родиона Раскольникова и Ивана Карамазова. В других публикациях и в интервью для зарубежной печати Л. Брик необоснованно утверждала, будто Маяковский “был неврастеник”, “болезненно боялся старости”, и что причиной его смерти явилась “своего рода мания самоубийства”.

Все эти и им подобные утверждения врагов поэта и так называемых его “друзей”, вроде Л. Брик, начисто опровергаются, прежде всего, самим творчеством Маяковского, его героической жизнью, которая вся, от малых лет и до последних дней была наполнена здоровым оптимизмом и без остатка отдана великой борьбе за коммунизм. Верно только то, что в последние недели Маяковский болел гриппом, что к этому времени у него обнаружилось нервное переутомление, что он переживал тяжёлую личную драму. Скажут: а разве этого недостаточно? Нет, для Маяковского, человека могучей силы воли, которую он великолепно проявил на всём своём трудном жизненном пути, этого далеко не достаточно. По крайней мере, так утверждали и утверждают многие и многие близко знавшие Маяковского, в том числе его родные. Мать и сёстры поэта, с которыми я не однажды беседовал на эту грустную тему, всегда говорили о самоубийстве как о чём-то невероятном, невозможном для Маяковского с его страстным характером борца.

А как же, спросят меня, официальное сообщение о самоубийстве поэта? Выходит, оно ложное? А как же “Предсмертное письмо Маяковского”, где сказано: “В том, что умираю, не вините никого...” На эти вопросы я отвечу дальше, а сейчас скажу, что на протяжении сорока лет, прошедших со дня смерти Маяковского, мне множество раз и от разных людей приходилось слышать предположения и прямые утверждения, что самоубийства как такового не было...

Ещё 17 апреля 1930 года, в день похорон Маяковского в объединённом выпуске “Литературной газеты” и “Комсомольской правды” появилась статья Михаила Кольцова, где было сказано:

“Нельзя с настоящего, полноценного Маяковского спрашивать за самоубийство. Стрелял кто-то другой, случайный, временно завладевший ослабленной психикой поэта-общественника и революционера. Мы, современники, друзья Маяковского, требуем зарегистрировать это показание”.

Год спустя, 14 апреля 1931 года, в “Литературной газете” Николай Асеев опубликовал “Отрывки поэмы” с указанием, что в них обрисован один из эпизодов, “относящийся к Маяковскому”. В “Отрывках поэмы” есть такие строки:

*Ничего, что губы, оледенев,
Обронили октябрьской листвы слова.
Я останусь с тобой наедине:
Расскажи мне, кто в этом виноват?*

*Ничего, что воском сплылась ладонь,
Ничего, что грозен глаза кожух,
Разбудив молчанье на сотни ладов,
Я ухо к ране плотней приложу.*

*Я знаю, что к сердцу свинец неся,
Поднимая стотонную сталь ствола,
Ты нажим гашетки нажал не сам,
Что чужая рука твою вела.*

*Что какой-то вымуштрованный гипнотизёр,
Запропавший за сплывшиеся этажи,
На тебя ненавистный уставил взор
И в безволье крикнул тебе: “Не дыши”, —*

*Что за нами повсюду ведёт наган,
Неуловимая тень врага,
Что и так, и этак в твоём лице
Напоследок песня взята на прицел.*

*Ничего, что губы, оледенев,
Обронили листвы октябрьской слова.
Я останусь с тобой наедине,
Расскажи мне: кто тебя — наповал?*

По всему видно, и в последующие годы Н. Асеев не переставал думать об обстоятельствах смерти Маяковского. В феврале 1952 года он пригласил меня к себе на квартиру в проезде МХАТ специально для разговора на эту тему. Привожу запись этой беседы, сделанную мною на следующий день, 8 февраля 1952 года.

“О самом самоубийстве Маяковского Асеев высказывает сомнение: действительно ли это было самоубийство, а не убийство. Он говорит, что, когда приехал на квартиру Маяковского, там уже был ставленник Ягоды — Агранов. Он отвёл его в другую комнату и прочёл предсмертное письмо Маяковского, не дав его в руки. Асеев сам не читал этого письма и не видел его.

А в 1942 году — рассказывает Асеев — к нему позвонили по телефону. Звонивший сказал, что он приехал с фронта на два дня и должен возвращаться. А у него есть поручение — передать ему, Асееву, документ, свидетельствующий, что самоубийство Маяковского в действительности было убийством. “Почему именно мне должен быть передан этот документ?” — спросил Асеев. Тот ответил, что он ничего не знает, что ему так поручили. Асеев не знал, как поступить, — он опасался провокаций, так как получал уже подлые вражеские анонимки. Он попросил звонившего позвонить ему через полчаса, а сам позвонил Осипу Брику. Брик посоветовал поостеречься и предложить звонившему сдать документ в следственные органы. Через полчаса тот снова позвонил, и Асеев сказал ему, чтобы он передал документ следственным органам”.

Вспоминая, закончив свой рассказ, Николай Николаевич хлопнул ладонью по колену и с горечью сказал:

— Как я теперь жалею, что не встретился с этим человеком. Я ведь, знаете, не политик, политиком мы всегда считали Осипа Брика.

Предположение о том, что Маяковского убили, высказывала и Е. А. Левинская. Вспоминая события 1930 года, она говорит:

“В этом году великий поэт был окружён врагами, которые давили, сжимали в психологические тиски (многого мы не знаем), — и самоубийство 14 апреля — это убийство... Именно так ощущаю я смерть Маяковского”.

Многим, особенно в Грузии, где доживал свои последние годы поэт Василий Каменский, известно, что он убеждённо говорил, что Маяковский был убит.

Какие же есть основания — и есть ли? — предполагать, что происшедшее 14 апреля 1930 года было в действительности не самоубийством, а убийством? Такие основания есть. Имеется ряд свидетельств о том, что Маяковский в последние годы, и особенно в последние месяцы жизни сам чувствовал какую-то угрозу, опасался нападения. Об этом рассказывал мне Н. Асеев в беседе, которая состоялась 7 февраля 1952 года. Привожу его рассказ по записи того времени:

“Незадолго до смерти Маяковского Асеев шёл с ним по улице. Маяковский был молчалив и мрачен, как никогда.

– Володя, Вы что такой сегодня? – спросил я.

– Вы всё равно не поймёте, – ответил Маяковский.

Он зашагал ещё шире и на десяток шагов ушёл вперёд от меня. Я догнал его и снова стал приставать.

– Да что с Вами, Володя?

Маяковский остановился и, подняв ладонь, дунул на неё:

– Вот видите, сегодня я есть, а завтра вот так – ф-ф-фу! – сдунут меня, и меня нет.

– Да что Вы, Володечка, – возразил я.

Маяковский отмахнулся:

– Ничего вы не понимаете, что происходит”.

Н. Н. Асеев считает, что Маяковский имел, очевидно, какие-то угрозы со стороны врагов, он опасался их мести, их диверсий.

Об этом говорило и то, что он всегда имел при себе револьвер, носил его в кармане, не случайно и палка у него была с тяжёлым, налитым свинцом набалдашником, вроде кистеня, он имел такую железную штуку, которая надевается на руку для драки, и даже каблуки его ботинок были с тяжёлыми подковами.

– Что это Вы, Володя, вооружены как броненосец, – пошутил я как-то, рассказывает Асеев.

– А Вы не понимаете, для чего это? – спросил сердито Маяковский.

Из его ответа было ясно, что он имел в виду необходимость самообороны”.

О том, что Маяковский постоянно имел при себе оружие и был весьма насторожен, говорят и другие свидетели. П. С. Кочетова, служившая домработницей в квартире Маяковского-Бриков в Гендриковом переулке, рассказывает: “Он всегда, когда спать ложился, маленький револьвер рядом с собой клал”.

Чем объяснить такую настороженность? Откуда Маяковский мог ожидать угрозы? Думаю, что некоторое разъяснение этому может дать запись беседы с Н. Асеевым, сделанная Е. А. Лавинской в 1938 году и тогда же переданная Л. В. Маяковской. Лавинская рассказывает о своей встрече с Асеевым, имевшей место 10 апреля 1938 года, и приводит его слова, относящиеся к последним годам жизни Маяковского:

“Постепенно его начали окружать враги – в его доме – Воловичи и т. д. – это были люди, которые выросли на “ЛЕФ”, это были не просто гости, а люди, которые тормозили его творчество, которые выслеживали, – это были приставленные к нему враги”.

Сама Лавинская к числу людей, которые выслеживали Маяковского и вместе с тем прикидывались его друзьями, относит Я. Агранова: “Он и его жена стали постоянными посетителями бриковского дома. Он стал своим человеком не только для Лили Юрьевны, казалось, он пламенно любил Маяковского...” А у Осипа Брика, как сообщает Лавинская, в числе друзей оказался Авербах, которого Маяковский называл мерзавцем.

Почему и зачем понадобились Брикам такие друзья? Ответ может быть один: они понадобились им и появлялись в “доме Бриков” потому, что между ними – Воловичами, Авербахом, Аграновым, и Бриками – образовался заговор против Маяковского. Судя по некоторым фактам, заговор этот складывался так.

Когда Брикам стало известно об отношениях Маяковского и Яковлевой, они приняли меры чтобы не допустить их сближения. Вот как эти обстоятельства рисует Л. В. Маяковская в беседе, застенографированной в 1964 г<оду>.

“Я уяснила себе, что была проведена целая кампания, чтобы его намерение жениться на ней провалилось. С одной стороны, там, во Франции Эльза Триоле следила за развитием этого романа, а с другой стороны – Лиля Брик, в интересах которой было прикончить этот роман. Лиля Брик повлияла, чтобы ему не дали паспорт для поездки во Францию. Сделала она это через Агранова, который был помощником Ягоды, наркома внутренних дел. Наш сосед Бродский в то время работал там и рассказывал мне, что Маяковскому было отказано в визе на поездку во Францию будто из опасения, что он там останется. Это очень обидело Володю. Он считал, что ему выражено недоверие. Отказ он получил потому, что ходили слухи, будто Маяковский хочет жениться на эмигрантке и там остаться. Лиля Брик и все её друзья говорили об этом, что не надо ему давать пропуск”.

Картина, нарисованная Людмилой Владимировной, и в деталях, и в целом подтверждается свидетельствами других лиц. Поэтому можно считать установленным, что разрыв между Т. Яковлевой и Маяковским произошёл не сам по себе, а вследствие коварных действий Бриков, Триоле и Агранова. А то, что Брики действовали совместно с Аграновым, это тоже вне всякого сомнения. П. С. Кочетова свидетельствует, что Агранов “имел дело с Лилей Брик и приезжал к ней, когда не было Маяковского”. А по своему служебному положению он обладал достаточной властью, чтобы помешать Маяковскому получить визу на поездку в Париж. Что касается Агранова, то он действовал не только в угоду Л. Брик. Сионист и враг социализма, проникший в органы государственной безопасности, он заинтересован был в том, чтобы вывести Маяковского из рядов активнейших борцов за генеральную линию коммунистической партии, устранить его с литературной и политической арены.

Но и добившись разрыва отношений между Маяковским и Яковлевой, Брики не могли успокоиться. Маяковский явно решил уйти из “дома Бриков”. Он хлопотал о новой квартире — для себя.

4 декабря 1929 года, выступая в клубе “Пролетарий”, поэт, между прочим, сказал: “Сейчас я прочту ещё одно стихотворение о предоставлении мне жилой площади, хотя у меня такой нет, но она мне очень нужна”. Были и другие, более важные доказательства того, что Маяковский окончательно порывал с Бриками и всем их окружением, в которое входил и маскировавшийся другом Агранов.

Ещё в 1926 году, когда Брики поселились в квартире Маяковского в Генриковом переулке, он написал киносценарий “Как поживаете?”, где изобразил собственную жизнь. В одном из эпизодов мы видим дверь квартиры в Гендриковом, на которой прикреплена (как было в действительности) дощечка с надписью: “Брик, Маяковский”. Но в самом сценарии присутствует только Маяковский, а Бриков нет, как будто они уже не существуют. В 1928–1929 годах Маяковский одну за другой пишет пьесы “Клоп” и “Баня”. В первой в острых сатирических сценах изображена пошлая семейка Ренессансов — Давид Осипович, Розалия Павловна и Эльзевира Давыдовна, а во второй с такой же резкостью и остротой нарисован “портретист, баталист, натуралист” Исаак Бельведонский. Можно представить, как отнеслись к этим пьесам и названным персонажам Брики и их “завсегдатаи”. Они были не так глупы, чтобы не понять, что Маяковский изобразил их среду, их самих. Намёк на это содержится даже в именах персонажей: Давид Осипович и Осип Максимович, Розалия и Лиля. Вот почему пьесы Маяковского подвергались такой жестокой травле со стороны *коганов*, вот почему эти прекрасные, партийно-коммунистические произведения были так прочно и надолго ошельмованы ими и смогли вырваться из-под гнёта вражеских наветов только в 1951 году, после того как космополитизму, представляющему собой одну из разновидностей сионизма, был нанесён, особенно в области литературной критики, ощутительный удар. И если никто из критиков, писавших о “Клопе” и “Бане”, не обвинил их автора в антисемитизме (ведь у нас считается так: если отрицательный герой произведения — еврей, то это уже антисемитизм), то только потому, что в данном случае это показалось бы семье Бриков отнесённым на свой счёт: Маяковский — и вдруг антисемит. Да он, конечно, и не был антисемитом, он лишь на собственном опыте узнал, как отвратительны люди типа Ренессансов и Бельведонского, как гнусна атмосфера, в которой цветут такие цветы, как Розалия Павловна Ренессанс и Лиля Юрьевна Брик.

Разумеется, Брики и их завсегдатаи, а также друзья и единомышленники в критике, не могли простить Маяковскому этого смелого, беспощадного обличения их собственной среды. Перед Бриками встал вопрос: как быть? Отпустить, потерять Маяковского — значило потерять и славу, и деньги. Остался один выход — убрать взбунтовавшегося поэта и постараться оставить за собой и его славу, и его наследство*.

И “бриковская душегубка”, как сказано в воспоминаниях Е. А. Лавинской, заработала именно в этом направлении. Это вполне отвечало и интере-

* Из сказанного впереди можно видеть, как долго — хотя и незаконно — пользовалась Л. Брик славой Маяковского, именуя себя “вдовой поэта”. Также незаконно она в течение многих лет получала доходы от издания произведений поэта, сумев забрать половину его наследства, тогда как другая половина выплачивалась троем Маяковским — его матери и двум сёстрам.

сам политических врагов поэта, так как попытки подорвать его при помощи клеветы и травли “критиков из-за угла” не дали нужных результатов: Маяковский продолжал беззаветно служить социалистической родине, советской власти и коммунистической партии, он начал писать поэму о первой пятилетке и каждый день давал своим стихом бой врагам социализма.

В сентябре 1929 года, когда Маяковский рвался в Париж к Татьяне Яковлевой, в “бриковском доме” решили не пускать его туда. И, как мы знаем, эта часть плана была успешно осуществлена: Маяковскому не дали визы, он не смог поехать и встретиться, как было условлено, с Т. Яковлевой, и та неожиданно вышла замуж. Мы знаем со слов В. Каменского, как тяжело Маяковский переживал этот разрыв. В это время в его жизни появляется ещё одна женщина – В. Полонская. Сама Полонская в воспоминаниях, написанных в 1938 году, изображает дело так, будто Маяковский был страстно влюблён в неё, не мог без неё жить, хотя, как мы видели, признаёт, что причина трагической смерти поэта “вне наших взаимоотношений”. Как же оценить этот эпизод в жизни Маяковского, какое значение в его трагедии мела В. Полонская? Существует мнение, что Полонская была той “соломинкой”, за которую пытался ухватиться гибнущий поэт. Это могло быть. Но есть и другое мнение: что Полонская была подставным лицом, через которое Брики и Агранов осуществляли свои коварные планы. Некоторые из свидетелей прямо утверждают, что Полонскую “подсунули” Маяковскому Брики. Это верно: именно они познакомили Маяковского с Полонской. Но, конечно, не для того, чтобы отвлечь его от Татьяны Яковлевой или утешить в любовном несчастье. Нет, расчёт их делался на то, чтобы вовлечь издёрганного, уставшего поэта в ещё одну трагическую ситуацию, чтобы добить его новыми переживаниями, так как Брики были уверены, что Полонская, бывшая замужем, не захочет порвать с мужем. Не исключено и другое: что Полонская вольно или невольно играла роль послушного орудия в выполнении разработанного Бриками и Аграновым плана.

Мне не известны детали их плана, но ясно, что он имел два варианта: заставить Маяковского самого уйти из жизни, а если не удастся – насильственно уничтожить его. Подготовка велась одновременно в двух планах. Враги поэта, с которыми объединились и некоторые из его “друзей”, необыкновенно усилили травлю Маяковского, стараясь подорвать его силы, вывести из равновесия и, попросту говоря, толкнуть его на самоубийство. Известно, что в последние месяцы на вечерах поэта всё чаще появлялись наглые провокаторы, которые шантажировали его, задавали оскорбительные вопросы и прямо спрашивали: “Маяковский, когда Вы застрелитесь?” О том, каков был характер этой провокационной деятельности, можно судить на примере последнего выступления Маяковского, состоявшегося за пять дней до смерти, 9 апреля 1930 года в Институте народного хозяйства имени Плеханова в Москве. Судя по имеющейся записи этого выступления, сделанной В. И. Славинским (кстати сказать, не принадлежавшим к “завсегдатаям” бриковского дома), этот вечер, организованный П. Лавутом, весь, от начала до конца, носил провокационный характер. В самом начале выступления Маяковский сказал, что его “едва уговорили выступать на этом вечере”, что ему “не хотелось, надоело выступать” и дальше:

“Когда я умру, вы со слезами умиления будете читать мои стихи. (Некоторые смеются.) А теперь, пока я жив, обо мне много говорят всякой глупости, меня много ругают. Много всяких сплетен распространяют о поэтах. Но из всех разговоров и писаний о живых поэтах обо мне больше всего распространяется глупости. Я получил обвинение в том, что я – Маяковский – ездил по Москве голый с лозунгом: “Долой стыд”. Но ещё больше распространяется литературной глупости”.

О том, что враги поэта имели и другой план на случай, если самоубийство не состоится, свидетельствует такой факт. Один из старейших советских писателей – К. Я. Горбунов – рассказывал мне со слов писателя Анатолия Виноградова, автора романа “Три цвета времени”, следующее: А. Виноградов встречался с Я. Аграновым по делам. В одну из таких встреч он застал у него Маяковского. Агранов зло, издевательски подшучивал над поэтом:

– Вот ты там во “Флейте-позвоночнике” говоришь: “Всё чаще думаю – не поставит ли лучше точку пули в своём конце”. Но ведь вы, поэты, любите похвастаться словом, а на деле вы трусы.

Маяковский что-то недовольно и обиженно буркнул в ответ. Агранов продолжал подначивать его в том же духе. Потом вынул револьвер и подал Маяковскому со словами:

— На вот, посмотрим, какой ты храбрый, хватит ли у тебя смелости “поставить пулю в своём конце”.

Маяковский взял револьвер и ушёл с ним.

Раздумывая над этим случаем, в истинности которого не может быть никакого сомнения, я задаю себе вопрос: для чего Агранов дал Маяковскому револьвер? Чтобы спровоцировать его на самоубийство? Но у Маяковского — Агранов отлично знал это! — был свой револьвер. И потом: Агранов мог дать Маяковскому револьвер без свидетелей, а почему он сделал это в присутствии третьего лица? Не знаю, как на это ответят специалисты следственных дел, а для меня ясно: Агранов дал Маяковскому револьвер, имея в виду, что при случае его можно будет убить из такого же оружия, а потом сказать: “Вот, я пошутил, а он и в самом деле застрелился”. Для этого и нужен был Агранову свидетель.

Так или иначе, а 14 апреля 1930 года произошло то, чего так ждали враги поэта и его так называемые “ближайшие друзья”.

Бриков в это время в Москве не было — они уехали в Лондон. А они ведь отлично знали, что Маяковский переутомлён, болен. Сама Л. Брик рассказывала об этом в воспоминаниях, опубликованных задолго до того, как она придумала объяснение, что Маяковский застрелился потому, что “боялся старости”. Но они уехали, так как это было необходимо. Необходимо по двум причинам. Во-первых, чтобы быть подальше от места преступления и, таким образом, снять с себя всякие подозрения в соучастии, если произойдёт прямое убийство. Во-вторых, на тот случай, чтобы, если произойдёт “самоубийство”, можно было бы сказать, как потом и говорилось, что одна из причин — “временное отсутствие привычно близких людей”. Вот, мол, уехали Брики, он не вынес одиночества и т. п.

Встаёт и другой вопрос: как могли уехать за границу Брики, если незадолго до этого отказали в заграничной визе Маяковскому? Известно, что в те годы к выездам за границу относились более строго. А Брики не имели никакого общественного веса, у Осипа Брика к тому же была весьма подпорченная репутация: выходец из буржуазной среды, человек сомнительных политических взглядов, после Октябрьской революции он каким-то образом проник в ряды Коммунистической партии, но в 1923 году был выброшен из неё. Понятно, что в этих условиях устроить Брикам поездку за границу мог лишь кто-то из очень влиятельных людей. Такой влиятельной особой в то время был Я. Агранов. Он выхлопотал Брикам визу и, как рассказывает П. С. Кочетова, даже провожал их на вокзале.

В связи с поездкой Бриков в Лондон в “Комсомольской правде” 10 января 1930 года появилась заметка под заголовком “Супружеская поездка на государственный счёт”. 14 января та же газета напечатала письмо, подписанное “От революционного фронта искусств (РЕФ)” Маяковским, оправдывающее Бриков. За ним последовало другое письмо — в поддержку первого, подписанное секретарём Федерации советских писателей Сутыриным и секретарём РАПП Лузгиным. Никогда ни та, ни другая организация не выступала в поддержку Маяковского — и вдруг такая забота о Бриках! Это ещё раз говорит о том, что кто-то был весьма заинтересован в их поездке.

Что же произошло 14 апреля 1930 года?

Несомненно, те, кто близко знал Бриков, могли бы многое прояснить в его загадочной смерти. Но они не сделали этого. Один из моих друзей — В. И. Семёнов — вспоминает, как ещё в 1940 году он просил Льва Кассилья рассказать, что же случилось с Маяковским? Кассиль ответил: “Я смогу рассказать об этом лет через десять”. Но ни через десять, ни через двадцать или тридцать лет он ничего так и не сказал — до самой своей смерти. Много знали и другие “завсегдатаи бриковского дома”, но они предпочли молчать, понимая, что заговор против великого русского поэта основывался не только на корыстных расчётах Бриков, но и на объединившей всех участников этого преступления антисоветской, сионистской платформе.

Что касается “предварительного следствия”, которое было проведено неким Сырцовым, то оно было очень формальным и поверхностным. Это и понятно, так как во всём, что было связано со смертью Маяковского, явно или

тайно действовала чёрная рука Агранова. Было заявлено, что всё объяснено в “Предсмертном письме” Маяковского.

Мне не известно, подлинное ли это письмо, проверено ли оно экспертизой, и известно от Л. В. Маяковской, что в кругу “ближайших друзей” Маяковского некто умел очень ловко имитировать его почерк. Кроме того, письмо помечено 12 апреля, а смерть последовала 14 апреля, и существует другой документ – так называемый “план беседы Маяковского с В. Полонской”, который составлен тогда же, 12 апреля, а может быть, и позже, накануне их последней встречи. А в этом плане сказано: “Я не кончу жизнь, не доставлю такого удовольствия худ. театру”.

До сих пор единственным показанием о том, что и как произошло 14 апреля 1930 года, служат воспоминания В. Полонской. Она рассказывает, что утром 14 апреля Маяковский заехал за нею на такси и привёз её в свою комнату в Лубянском проезде. По словам Полонской, между ними произошёл тяжёлый разговор: Маяковский уговаривал её оставить мужа, оставить театр, и чтобы всё было сделано “немедленно”, он не отпускал её. Но она спешила на репетицию и ушла.

“Я вышла, – говорится в воспоминаниях В. Полонской, – прошла несколько шагов до парадной двери. Раздался выстрел. У меня подкосились ноги, я закричала и металась по коридору. Не могла заставить себя войти. Мне казалось, что прошло очень много времени пока я решилась войти. Но, очевидно, я вошла через мгновение: в комнате ещё стояло облачко дыма от выстрела.

Владимир Владимирович лежал на ковре, раскинув руки. На груди было крошечное кровавое пятнышко”.

Спрашивается, достаточно ли свидетельства одной Полонской, и можно ли верить ей? Мне довелось беседовать с некоторыми из прежних жильцов квартиры Маяковского в Лубянском проезде. Один из них сообщил, что когда раздался выстрел, он стрелой вылетел из своей комнаты и видел Полонскую выходящей из комнаты Маяковского, свидетель дважды с твёрдой уверенностью повторил, что “Полонская, когда раздался выстрел, была в комнате Маяковского”.

Я не берусь судить, что именно произошло в комнате Маяковского, но полностью разделяю мнение М. Кольцова и Н. Асеева, что “стрелял кто-то другой”, что “нажим гашетки нажал не сам” Маяковский, и, если даже он сам приставил дуло револьвера к своей груди, то всё же его рукой “чужая рука вела”.

Маяковский пал жертвой жгучей, непримиримой ненависти врагов социализма, среди которых видное место занимала группа сионистов, сумевших охватить его жестоким кольцом “дружеского” окружения. И виноваты в его смерти, прежде всего и больше всего, Л. и О. Брики и Я. Агранов. Вот, говоря словами Маяковского, кто преступник, кто сволочь. Как подходят к ним строки его стихотворения с гневным названием “Сволочи”:

*Будьте прокляты,
вечное “вон” им...*

.....

*Леса российские,
соберитесь все,
выберите по самой большой осине,
чтоб образ ихний*

*вечно висел,
под самым небом качался, синий.*

Москва, декабрь 1970